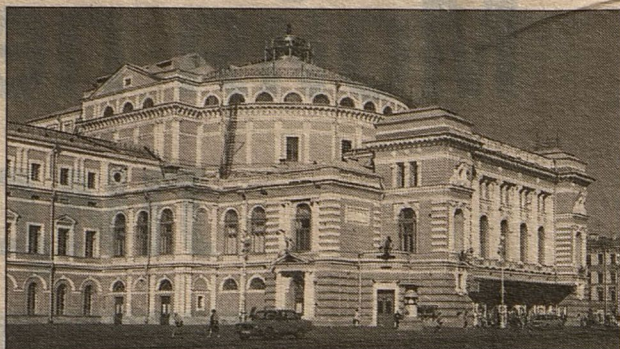

Сказка Перро былью не станет?

Виктор КОСТЮКОВСКИЙ,
Санкт-Петербург

Начиналось современно и цивилизованно. На проект новой сцены (читай, нового здания) Мариинского театра был объявлен полновесный международный конкурс. Гордились тем, что в нашей стране такой полновесный, такой международный, такой цивилизованный проводится впервые.

В конкурсе участвовали одиннадцать творческих команд: пять из России, по одной из Японии, Франции, Нидерландов, США, Австрии и Швейцарии. В этом списке были громкие, известные архитектурному бомонду мира имена: японец Арата Исодзаки, американец Эрик Мосс, голландец Эрик ван Эгераат. Да и наши проекты — Марка Рейнберга и Андрея Шарова, Юрия Земцова и Михаила Кондайна — вполне достойно конкурировали с работами мэтров мирового зодчества. Современное и демократично было и то, что со всеми проектами познакомили городскую общественность: выставили их в одном из залов Академии художеств.

Напомню, что общественность оказалась коллективным консерватором и в основном приняла все проекты в штыки. Книга отзывов стала книгой-протестом против архитектурного обновления Петербурга, против внесения в градостроительную партитуру города новых нот и аккордов. В этом нет ничего удивительного: оценить сочетание традиции с таким прорывом способны не просто профессионалы, а редкие профессионалы. И если бы на протяжении трехсотлетней истории города архитектурные решения определялись только мнением «общественности», не было бы Петербурга, а была бы вторая Москва, может быть, второй Яр, Заваль, Новгород, Тверь...

Эта трудность была преодолена. Жюри выбрало проект французского Доминика Перро, автора известного здания Национальной библиотеки в Париже. По мнению председателя жюри, президента Союза архитекторов России Юрия Гнедовского, его проект второй сцены Мариинки оказался единственным, не перекрывающим типично петербургский вид на Крюков канал. Бывший главный архитектор Петербурга Олег Харченко сказал: «Проект Доминика Перро отличается максимальной корректностью по отношению к старой сцене и «видовым точкам» Санкт-Петербурга». Художественного руководителя театра Валерия Гергиева подкупило то, что Перро «впустил много воздуха и света в театр», и зритель в новом здании будет способен почувствовать магнетизм белых ночей. Он высказал убеждение, что с появлением новой сцены Мариинский театр станет одним из лучших в мире — и не только в творческом отношении, где он уже в числе лидеров, но и в

архитектурном, техническом.

Дальше была пауза длинной почти в год. Сам Перро уже подозревал, что недовольство общественности и все новые критические высказывания в городской прессе не прошли даром. Может быть, главная мысль критиков была в том, что проект французского якобы диссонирует с умиротворяющей спокойной (некоторые даже говорили «сонной») архитектурой малозатражной Коломны — так называется район, которому предстоит стать районом новостройки. Раздавались голоса и в пользу сохранения некоторых зданий, которые предстоит снести в связи с осуществлением проекта, в частности, здания Дворца культуры имени Первой пятилетки. При этом почему-то никому и в голову не приходило, что «сонная архитектура Коломны» уже давно была взорвана — именно этим конструктивистским зданием.

Контракт все-таки был заключен.

А на днях стало известно: создаются условия для того, чтобы проект Перро не был воплощен никогда. Теперь заказчик — Министерство культуры и массовых коммуникаций — объявило о проведении тендера на рабочее проектирование. Вообще-то Перро намеревался сам заняться поиском субподрядчиков-проектировщиков, привлечь к этим работам компании с мировой репутацией. Обычно так оно и бывает: автор руководит не только проектными, но и строительными работами на всех их этапах, сам подбирает исполнителей, осуществляет авторский надзор, участвует в приемке готового объекта.

А у нас — поскольку финансирование осуществляется из бюджетных средств — по закону исполнителей надо подбирать на конкурсной основе. Ну и что, казалось бы, ведь в объявляемом тендере могут поучаствовать как раз те компании с мировой репутацией, которые намеревался привлечь Перро. Но дело в том, что практически у всех у них нет российских лицензий. Еще одно «ну и что»: захотят работать — пусть получают, верно? А вот тут-то может оказаться почти непреодолимая заковыка. Знаете ли вы наш бюрократический аппарат, догадываетесь ли о том, что такое в наших условиях получить какую бы то ни было лицензию? В России уже были случаи, когда авторское решение сводилось этими лицензированными проектировщиками к такому уровню, что автор категорически отказывался от своего авторства. Так произошло, например, с проектом торгового комплекса на Смоленской площади Москвы, от которого вынужден был отказаться испанский архитектор Рикардо Бофилл.

Говорят, мсье Перро — парень принципиальный и настойчивый. Может быть, ему и удастся «пробить» этот новый барьер, как и все будущие (кто бы сомневался?) барьеры.